

И. Л. ТОЛСТОЙ

Мои воспоминания

<...> Еще в 1881 году отец познакомился в Москве с двумя интересными лицами, с которыми он очень сошелся, с Владимиром Федоровичем Орловым¹ и Николаем Федоровичем Федоровым. Первого я меньше помню, а Федорова, бывшего библиотекаря Румянцевского музея, я вижу перед собой сейчас как живого.

Это был худенький среднего роста старичок, всегда плохо одетый, необычайно тихий и скромный. На шее, вместо воротника, он носил какой-то клетчатый серый шарфик и ходил зимой и летом в одном и том же старом коротеньком пальтеце.

У него было такое выражение лица, которое не забывается. При большой подвижности умных и проницательных глаз он весь светился внутренней добротой, доходящей до детской наивности.

Если бывают святые, то они должны быть именно такими.

Николай Федорович не только был органически неспособен причинить кому-нибудь зло, но я думаю, что и сам он был неуязвим для всякого зла, потому что он просто его не понимал.

Говорят, что он жил в какой-то каморке, настоящим аскетом, спал на голых досках, питался кое-чем и все отдавал бедным.

Насколько я помню, он никогда не спорил с отцом², и что еще замечательнее, это то, что отец, всегда пылкий и несдержанный в разговорах, выслушивал Николая Федоровича с особенным вниманием и никогда с ним не горячился. <...>

